

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**ДЖОН ДУГЛАС
МАРК ОЛШЕЙКЕР**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ

**СЕКРЕТНЫЕ
МЕТОДИКИ
ФБР**

Марк Олшейкер
Джон Дуглас
Психологический портрет
убийцы. Методики ФБР

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12157323

*Психологический портрет убийцы. Методики ФБР/ Джон Дуглас, Марк Олшейкер: Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906861-57-3*

Аннотация

Один из авторов этой книги – Джон Дуглас – двадцать пять лет был спецагентом ФБР в Соединенных Штатах Америки, возглавлял до недавнего времени вспомогательный следственный отдел в этом Бюро. На его счету свыше тысячи расследованных дел, связанных с совершением тяжелейших преступлений, в том числе зверских серийных убийств, убийств, связанных с похищениями и сексуальной эксплуатацией детей в США.

Джон Дуглас рассказывает о работе своего отдела и, в частности, о плодотворном поиске преступников на основании разработанного ими метода – анализа профиля личности убийцы – по фотографиям с места совершения преступления. Джон Дуглас и его коллеги не только с точностью указывали на тип преступника, но и описывали его поведение после совершения

преступления. Книга вооружает читателя опытом, за который многие герои этого печального повествования заплатили жизнью.

Книга также издавалась под названием "Психологический портрет убийцы. Клинические рассказы"

Содержание

От авторов	5
Пролог	7
Погружение во мрак	22
Мотивы убийства	52
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Психологический портрет убийцы. Методики ФБР

От авторов

Выражаем глубочайшую благодарность всем, кто помог претворить этот труд в реальность. Первая команда, сложившаяся, когда мы готовили первую совместную книгу (выходила в России под следующими названиями: «Охотники за умами», «Как определить серийного убийцу. Из опыта сотрудника ФБР». – *Прим. ред.*), состояла из нашего редактора Лайзы Дрю и нашего агента Джея Эктона – двух человек, разделяющих одни и те же взгляды, умеющих подбодрить нас и поддержать на каждом шагу. Подобно им, нам помогала Кэролин Олшейкер, координатор нашего проекта, менеджер, генеральный советник, консультант редактора, наша опора, а для Марка – и близкий человек. Энн Хенниган, наш научный руководитель, стала незаменимым членом команды и внесла в работу огромный вклад. А еще нам стало ясно: только благодаря тому, как Мэри Сью Руччи помогала нам в

издательстве, с поразительным искусством сочетая в себе качества компетентного специалиста и жизнерадостность, все шло так гладко и не выходило из-под контроля. Если бы не эти пятеро...

Хотим выразить глубокую признательность Труди, Джеку и Стивену Коллинзу, Сюзан Хэнд Мартин и Джеффу Фримену за то, что они поделились с нами историей Сюзанны. Надеемся, что, рассказав ее историю, мы укрепили их веру в нас. Кроме того, мы в долгу перед Джимом Хэррингтоном из Мичигана и прокурором округа Теннесси, Генри Уильямсом, — они поделились с нами своими воспоминаниями и размышлениями, а также перед нашим ординатором Дэвидом Альтшулером, Питером Бэнксом и всеми сотрудниками Национального центра пропавших и подвергающихся эксплуатации детей — за их доброту, за то, что посвятили в свои исследования, за опыт и хорошую работу. Все мы стали лучше благодаря им. И наконец, как всегда, хотим поблагодарить всех коллег Джона из Квонтико, в особенности Роя Хейзлвуда, Стива Мардиджана, Грегга Мак-Крэри, Джуда Рея и Джима Райта. Они всегда будут неоценимыми первопроходцами, исследователями и надежными спутниками в путешествии во мрак и обратно.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер
Октябрь 1996 года

Пролог

В душе убийцы

Свобода каждого человека принимать решения за или против Бога, а также за или против человека должна быть признана, иначе религия окажется обманом, а просвещение – иллюзией. Свобода – предварительное условие и для того, и для другого: в противном случае их понимают неправильно. Однако свобода – это еще не все. Она – только часть истории и половина истины. Свобода – всего лишь негативный аспект явления, позитивный его аспект – ответственность. Есть опасность, что свобода вырождается в произвол, если не будет сочетаться с ответственностью.

Виктор И. Франкл, «Человек: поиски смысла»

По этим зловеющим улицам должен ходить человек, который сам не зол, ничем не запятнан и лишен страха.

Реймонд Чандлер, «Простое искусство убийства»

Это не голливудская версия. Она не облагорожена, не причесана, не возведена в ранг «искусства». Это то, что происходит на самом деле. Во всяком случае, в моем описании – далеко не худший вариант. Как бывало не раз, я погружаюсь в душу убийцы. Не знаю, кем окажется жертва, но я готов кого-нибудь убить. И немедленно.

Жена оставила меня одного на весь вечер, усвистала на вечеринку с подругами, лишь бы не торчать дома со мной. Впрочем, неважно: мы все равно постоянно ссорились, и этот день был ничем не лучше. И все-таки ссоры угнетали меня. До чертиков надоело такое отношение. Может, на самом деле она встречается с другими мужчинами, как моя первая жена. Та свое получила – испустила дух, упав ничком в ванну и захлебнувшись своей блевотиной. И поделом – она попортила мне немало крови.

Наши двое детей росли у моих стариков, и это тоже меня бесило – будто я сам не мог позаботиться о малышах! Некоторое время я просидел перед телеком, выдул пару упаковок пива, а потом добавил вина. Лучше от этого не стало. Настроение продолжало падать. Хотелось еще пива или чего-нибудь другого, и потому около девяти, а может, в половине десятого, я встал и двинул в «мини-март» возле комиссариата и затарился еще одной упаковкой «Музхэда». Затем, доехав до Армор-роуд, я остановился и долгое время просто сидел в машине, потягивая пиво и стараясь разобраться, что творится в душе.

Чем дольше я сидел так, тем сильнее меня грызла тоска. Совсем один. Живу на военной базе как иждивенец жены. Все мои знакомые – ее друзья. Дети – и те далеко. Когда служил на флоте, думал, что это поможет, но просчитался. Сейчас вынужден менять работу— одно гиблое место на другое. Я не знал, что делать дальше. Может, просто вернуться до-

мой, подождать жену, выяснить, в чем дело? Все эти мысли вертелись в голове одновременно. Я не отказался бы поболтать с кем-нибудь прямо сейчас, но вокруг не было ни души. Черт возьми, ни одного знакомого, с кем можно было бы поделиться своими бедами! Меня окружала темнота. В ней чувствовалось что-то... манящее. Я остался один на один с ночью. Мрак делал меня неузнаваемым. И всемогущим.

Я докатил до северной стороны базы и, продолжая потягивать пиво, остановился неподалеку от гаражей. «Черт побери, здесь машинам наверняка живется лучше, чем мне!» – подумал я. И тут увидел ее. Она пересекла проезжую часть и побежала трусцой по тротуару. Хотя уже совсем стемнело, я разглядел ее. Высокая, довольно симпатичная, лет двадцати, с длинными темно-русыми волосами, заплетенными в косу. Лоб ее поблескивал от пота... Да, весьма недурна. На ней была красная тенниска с эмблемой морской пехоты на груди и тугие красные шорты, подчеркивающие соблазнительную попку. Ноги ее казались бесконечно длинными. Ни капли жира. Эти милашки из морской пехоты в отличной форме – а все благодаря тренировкам и строевой подготовке. Такие дадут сто очков форы любому мужику.

Какое-то время я наблюдал, как упруго вздымаются ее грудки в ритме бега, прикидывая, стоит ли пробежаться вместе с ней. Меня хватило на то, чтобы сообразить: я далеко не в такой форме как она; к тому же пьян почти в стельку. Другое дело – поравняться с ней на машине, предложить под-

везти к казарме, по пути поболтать.

Но тут меня охолонуло: вокруг нее, наверное, увиваются толпы крутых вояк, что общего у нее с таким парнем как я? Эти девчонки слишком высоко задирают нос; нас, простых смертных, и в грош не ставят... Как ни распинаясь, отошьет в два счета. А я уже по горло сыт чужим пренебрежением. Наелся им на всю оставшуюся жизнь.

Нет, нахлебался дерьма, хватит, по крайней мере на сегодня. Буду просто брать все, что захочу, – это единственный способ чего-нибудь добиться. Этой сучке придется познакомиться со мной, плевать, по вкусу ей это или нет.

Я завел мотор, догнал девчонку и, потянувшись через пассажирское сиденье к окну, спросил:

– Простите, не скажете, далеко ли до другой стороны базы?

Она ничуть не испугалась, должно быть, потому, что разглядела на стекле карточку с эмблемой базы. Плюс к тому, наверное, была уверена, что справится с любым, раз служит в морской пехоте. Она остановилась, доверчиво приблизилась к машине. Склонившись к окну, она указала в обратную сторону и слегка прерывающимся после бега голосом объяснила, что мне придется проехать три мили. Она приветливо улыбнулась и побежала дальше.

Я понял: еще секунда, она скроется из виду – и я упущу свой шанс. Открыв дверцу, я выскочил из машины и бросился за ней. Я нанес сильный удар сзади, и она растянулась на

асфальте. Я схватил ее. Она ахнула, поняв, что происходит, и начала отбиваться. Для женщины она оказалась довольно рослой и сильной, но я был почти на фут выше и на сотню фунтов тяжелее. Удерживая за руки, я с размаху вмазал ей по виску – так, что у нее из глаз, наверное, посыпались искры. Однако она по-прежнему отбивалась изо всех сил, колотила меня руками и ногами, чтобы вырваться. Ладно, за это она еще поплатится: я не позволю какой-то сучке так обращаться со мной!

– Отпусти меня! Убирайся! – вопила она. Я едва не задушил ее, чтобы подтащить поближе к машине. Затем я вновь ударил ее так, что она зашаталась, подхватил и втиснул в машину, на пассажирское сиденье. И тут заметил: к машине бегут двое мужчин, что-то крича. Резко повернув ключ, я сорвал «додж» с места.

Я понимал: первым делом надо оторваться подальше от базы, и направился к воротам возле театра – единственным, которые оставались открытыми в такое позднее время (я въехал через них). Я усадил девчонку поближе, словно подругу. Ее голова лежала у меня на плече – сплошная романтика. Должно быть, в темноте все выглядело правдоподобно, поскольку охранник даже не взглянул на нас, когда мы проехали мимо. Уже на Нэви-роуд она пришла в себя и вновь завопила, угрожая позвать на помощь полицию, если я не отпущу ее.

Со мной еще никто так не разговаривал. Но сейчас ее же-

лания не имели значения – в отличие от моих. Ситуацию контролировал я, а не она. Я снял руку с руля и наотмашь хлестнул ее тыльной стороной ладони по лицу. Она заткнулась.

Я понимал: везти ее ко мне домой нельзя – моя старуха уже могла вернуться. И что же мне тогда – объяснять, что так я должен был поступить с ней, с женой? Нужно было найти место, где мы с этой сучкой останемся наедине, и где нам не помешают. Я должен чувствовать себя спокойно. Пусть мне будет все знакомо, и я буду знать, что могу сделать, как пожелаю, и меня никто не потревожит. Меня осенило. Доехав до конца улицы, я свернул в парк – парк Эдмунда Орджилла, так он назывался. Мне показалось, что девчонка снова очухалась, и я еще раз ударил ее в висок. Я проехал мимо баскетбольных площадок, мимо уборных и так далее в глубину парка, к озеру. Остановив машину на берегу, я выключил двигатель. Вот теперь мы остались вдвоем.

Схватив девчонку за рубашку, я выволок ее из машины. Она застонала в полуобмороке. Из раны возле глаза кровь текла по носу и губам. Я оттащил ее подальше от машины и бросил на землю, она сделала попытку подняться. Эта сучка до сих пор сопротивлялась. Пришлось навалиться на нее, оседлать и врезать еще пару раз.

Поблизости раскинуло ветки высокое дерево – какой уют и романтика! Теперь она моя. Все зависит только от меня. Я могу поступить с ней, как пожелаю. Я сорвал с нее одежду –

кроссовки «Найк», тенниску, обтягивающие шорты и синий пояс для похудения. Она уже почти не сопротивлялась, выбившись из сил. Я раздел ее донага, снял даже носки. Она пыталась убежать или хотя бы увернуться, но напрасно. Теперь все зависело от меня. Я решал, останется эта сучка в живых или сдохнет, а если сдохнет, то как. Решения принимал только я. Впервые в жизни я чувствовал себя человеком.

Придавив локтем ее шею, чтобы заставить девчонку замолчать, я начал с груди – с левой. Но это было только начало. Эта сучка еще получит то, чего никогда не пробовала. Я огляделся. Встал, потянулся и, схватившись за ветку дерева, сломал ее – длинную, около двух с половиной или трех футов. Это было нелегко – чертова палка в толщину достигала двух дюймов. Обломанный конец оказался острым, как наконечник стрелы или копья.

Еще минуту назад девчонка лежала как труп, но теперь вновь завопила во весь голос. Ее глаза выпучились от боли. Сколько из нее вытекло крови! Наверняка она была еще нетронутой. Она перестала отбиваться, только визжала.

Вот тебе за всех баб, которые смешали меня с дерьмом, мысленно повторял я. За всех, кто водил меня за нос. За всю мою жизнь – пусть теперь для разнообразия помучается кто-нибудь другой! Но она уже давно затихла.

Когда агония кончилась, и безумие миновало, я вдруг успокоился. Отстранившись, я оглядел ее. Она лежала совершенно тихо и неподвижно. Ее тело было бледным и обмяк-

шим, словно пустая оболочка. Я понял: она испустила дух, а я впервые за чертовски долгую жизнь наконец-то ожил. Это и есть представить себя на чужом месте, знать и жертву, и преступника и вообразить, какой была их встреча. Это итог многих часов, проведенных в тюрьмах и колониях, когда сидишь за столом и слушаешь рассказы о том, что произошло в действительности. Выслушав преступника, начинаешь понемногу собирать воедино обломки. Само преступление вызывает к тебе. И никуда от этого не деться, если хочешь добиться успеха.

Этот метод я описал журналистке, которая недавно беседовала со мной, и она воскликнула: «Нет, о таком я не в состоянии даже подумать!». Я ответил: «Лучше подумать заранее, если хотим перестать сталкиваться с подобными ужасами».

Если вы поняли меня – не на академическом, интеллектуальном уровне, а почувствовали сердцем, интуицией, – тогда, возможно, нам не придется долго ждать перемен. Я описал собственную версию событий, произошедших ночью 11 июля 1985 года и ранним утром 12 июля – в день, когда младший капрал морской пехоты США Сюзанна Мари Коллинз, образованная, любимая, жизнерадостная, красивая девятнадцатилетняя девушка погибла в общественном парке близ авиационной базы ВМС в Мемфисе, к северо-востоку от Миллингтона, штат Теннесси. Младший капрал Коллинз, рост пять футов семь дюймов, вес сто восемнадцать фунтов,

покинула казарму, отправляясь на вечернюю пробежку, приблизительно в десять часов вечера и не вернулась. Ее нагое и изуродованное тело было обнаружено в парке после того, как она пропустила утреннюю поверку. Причинами смерти было названо продолжительное удушение руками, нанесенная тупым оружием травма головы и сильное внутреннее кровотечение, вызванное острым обломком ветки дерева, вонзенной в ее тело так глубоко, что оказались разорванными органы брюшной полости, печень, диафрагма и правое легкое. Двенадцатого июля она должна была закончить курс обучения авиационной радиоэлектронике, приблизившись к своей заветной мечте – стать одной из первых женщин-летчиц в ВМС.

Подобное занятие, попытка представить себя на месте преступника, – тяжелейший, мучительнейший опыт, но именно этим мне приходится заниматься, чтобы получить возможность увидеть преступление глазами обвиняемого. Я уже представлял его себе с точки зрения жертвы, и это оказалось почти невыносимо. Но такова моя работа в роли, которую я отвел самому себе, – первого штатного аналитика профиля личности отдела науки о поведении Академии ФБР в Квонтико, Виргиния.

Обычно к моей группе – вспомогательному следственно-му отделу— обращаются для того, чтобы определить тип поведения преступника и стратегию расследования, которая помогла бы полиции выследить НС – неизвестного субъекта.

Я участвовал в расследовании более 1100 подобных дел — с тех пор как прибыл в Квонтико. Но в этот раз, когда власти обратились к нам, они уже держали под стражей одного подозреваемого. Седли Эли — бородатый двадцатидевятилетний белый мужчина из Эшленда, Кентукки, ростом шесть футов четыре дюйма, весом 220 фунтов, работник компании по производству и обслуживанию кондиционеров воздуха, жил на базе как иждивенец своей жены Линн, проходящей срочную службу в войсках ВМС. Из Седли Эли уже вытянули признание — на следующее утро после убийства. Но его версия случившегося кое в чем отличалась от моей.

Сотрудники следственной службы воинской части вычислили подозреваемого по описанию машины, которое дали два бегуна и охранник, дежуривший в ту ночь у ворот. Эли объяснил, что, находясь в угнетенном состоянии после того, как его жена, Линн, ускакала на вечеринку, он выпил дома три упаковки пива (по шесть банок в каждой) и бутылку вина, а затем покатил на своем ветхом, полуразвалившемся зеленом джипе «меркурий» в «минимарт» возле комиссариата — купить еще пива.

Он сказал, что совсем опьянел, пока бесцельно колесил по улицам, и тут заметил симпатичную белую девушку в тенниске с эмблемой морской пехоты и шортах, перебегающую через улицу. Седли заявил, что вышел из машины, догнал девушку и завел разговор, но через несколько минут начал задыхаться после обильного спиртного и сигарет. Ему хоте-

лось поделиться с ней своими бедами, но он понял: девушка не поймет его, поскольку они не знакомы. Он попрощался и уехал.

В состоянии сильного опьянения он, по его словам, с трудом вел машину, виляя из стороны в сторону. Он соображал: ему не следовало садиться за руль. Внезапно он услышал стук и почувствовал, как машина уткнулась во что-то. Он понял, что сбил девушку. Седли затащил ее в машину, уверяя, что отвезет в больницу, но она, по его словам, сопротивлялась, угрожала, что позовет на помощь, и его арестуют за управление машиной в пьяном виде. Он выехал с территории базы и направился в парк Эдмунда Орджилла, где остановил машину, надеясь успокоить девушку и отговорить ее от намерения привлечь его к ответственности.

Но и в парке, как утверждал Седли, девушка продолжала заявлять, что теперь он поплатится за все. Он велел ей заткнуться, а когда она попыталась открыть дверцу, схватил ее за тенниску, потом вылез со своей стороны и вытащил девушку из машины. Она по-прежнему кричала, что донесет на него в полицию, и пыталась вырваться. Поэтому Седли пришлось толкнуть ее и прижать к земле – чтобы помешать удрать. Седли Эли просто хотел поговорить с ней. А она продолжала вырываться – как выразился Седли, «извивалась». Наконец, он «на секунду забылся» и ударил ее по лицу – сначала один раз, затем еще несколько – ладонью.

Он перепугался – понял, что ему грозят неприятности,

если она заявит в полицию. Седли попытался сообразить, как быть дальше, и метнулся к «меркурию» за отверткой с желтой рукояткой, которая понадобилась ему, чтобы завести машину, а когда вернулся, услышал, как кто-то убегает в темноту. В панике он развернулся и выбросил вперед руку, в которой по случайности оказалась зажата отвертка. В темноте он задел девушку – должно быть, отвертка ткнулась ей в висок, потому что девушка сразу рухнула на землю. Он совсем потерял голову и не знал, что делать дальше. Может, сбежать, вернуться в Кентукки? И тогда он решил, что надо сделать вид, будто на девушку напали, изнасиловали и убили. Разумеется, он не занимался с ней сексом – и травма, и смерть ее были страшной случайностью. Так как же придать случившемуся вид нападения с целью изнасилования?

Он снял одежду с трупа, затем за ноги оттащил девушку подальше от машины, к берегу озера, и положил под дерево. Он хватался за соломинку, отчаянно желая выпутаться, как вдруг протянул руку, задел ветку дерева и, уже не задумываясь, сломал ее. Он перевернул труп и вонзил в него ветку – по его словам, всего один раз, лишь бы все выглядело, будто на нее напал маньяк. А потом бросился к машине, торопясь покинуть место убийства, и выехал из парка с противоположной стороны.

Генри Уильяме по прозвищу Хэнк, помощник прокурора округа Шелби, штат Теннесси, старался разобраться, что же произошло в действительности. Уильяме – один из луч-

ших знатоков своего дела, бывший агент ФБР внушительно-го вида, лет сорока, с волевыми, будто высеченными из камня чертами лица, добрыми, чуткими глазами и преждевременной сединой. Ему еще не доводилось сталкиваться с такой чудовищной жестокостью.

— Едва заглянув в папку, я решил, что преступник заслуживает смертной казни, — вспоминал Уильяме. — Я не желал даже вести речь о смягчении наказания. Но, по его мнению, проблема заключалась в том, как определить мотив такого тяжкого убийства, который поняли бы присяжные. Какой человек, находясь в здравом уме, решился бы совершить столь чудовищное злодеяние?

На это и рассчитывали адвокаты. Они постоянно напоминали о том, что, по словам Эли, смерть была «случайной», и без конца намекали на невменяемость подзащитного. Психиатры, обследовавшие подозреваемого по распоряжению адвокатов, предположили, что Эли страдал расщеплением личности. Он позабыл сообщить сотрудникам службы безопасности воинской части, которые допрашивали его в первый же день, что, по-видимому, в ночь гибели Сюзанны Коллинз он сочетал в себе сразу три личности: самого себя, женщины Билли и Смерти, скачущей верхом на лошади рядом с машиной, в которой ехали Седли и Билли.

Уильяме связался со специальным агентом Гарольдом Хэйсом, координатором работы по определению профиля личности из мемфисского отдела ФБР. Хэйс описал Уильям-

су концепцию убийства, вызванного физическим влечением, и сослался на мою статью, подготовленную в соавторстве с моим коллегой Роем Хейзлвудом, опубликованную пять лет назад в «Правоохранительном бюллетене ФБР» и озаглавленную «Похотливый убийца». Хотя слово «похоть» в подобных делах выглядит не совсем уместным, в статье описывалось то, что мы выяснили в ходе расследования серийных убийств – омерзительных преступлений на сексуальной почве, связанных с манипулированием, властью и контролем над жертвами. Убийство Сюзанны Коллинз внешне выглядело классическим образцом – преднамеренное действие, добровольно совершенное психически здоровым человеком с расстройствами характера: например, он, зная разницу между тем, что плохо и что хорошо, не применил это нравственное разграничение к самому себе.

Уильяме попросил моего совета в разработке стратегии обвинения и в том, как убедить суд присяжных, состоящий из двенадцати добропорядочных мужчин и женщин, которые, вероятно, и не сталкивались в жизни с подобным злом, в том, что моя версия случившегося более вероятна, чем версия защиты. Прежде всего мне пришлось объяснить команде обвинителей то, что я и мои коллеги усвоили за долгие годы борьбы с насилием с точки зрения определенных типов поведения преступника, а также назвать истинную цену, которую мы были вынуждены заплатить за это знание.

Мне пришлось взять их с собой в мое путешествие во

мрак.

Погружение во мрак

В начале декабря 1983 года, в возрасте тридцати восьми лет, я потерял сознание в номере отеля в Сиэтле, занимаюсь расследованием убийств, совершенных близ Грин-ривер. Двоим агентам, которых я привез с собой из Квонтико, ничего не оставалось, как выломать дверь, чтобы прийти мне на помощь. Пять дней я пребывал в коме между жизнью и смертью, находясь в отделении интенсивной терапии Шведской больницы. Эта вспышка вирусного энцефалита была вызвана острым стрессом: я расследовал тогда более 150 дел одновременно, и исход каждого зависел от меня. Никто не верил, что я выживу, но я чудом уцелел – благодаря высококвалифицированной помощи медиков, любви моих родных и поддержке коллег. Месяц спустя я вернулся домой в инвалидной коляске, а к работе смог приступить только в мае. И все это время я боялся, что перенесенная болезнь помешает мне стрелять так, как полагается по стандартам ФБР, и, следовательно, приведет к окончанию моей карьеры. Подвижность левой стороны тела у меня нарушена и по сей день.

К сожалению, мой случай не уникален среди людей нашей профессии. Большинство коллег, работающих вместе со мной аналитиками профиля личности или криминальными аналитиками во вспомогательном следственном отделе, страдают от тяжелых стрессов профессионального характе-

ра или заболеваний, которые нередко выводят их из строя. Набор проблем весьма широк – неврологические расстройства вроде моего, боль в груди, рубцы на сердце, язвы, желудочно-кишечные заболевания, тревога и депрессия. Начнем с того, что работа в правоохранительных органах печально известна избытком стрессовых ситуаций. Уже дома, приходя в себя после болезни, я много размышлял над тем, что же в нашей практике вызывает тот острый стресс, от которого не страдают другие агенты ФБР, детективы и полицейские, хотя и сталкиваются с физической опасностью почаще нас. По-моему, ответ кроется в услугах, которые мы предлагаем. В организации, издавна известной своей ориентацией на «только факты, мэм», мы, вероятно, являемся единственной группой, которую интересует мнение. Однако нам пришлось ждать смерти Дж. Эдгара Гувера, прежде чем психологию наконец-то признали законным орудием в борьбе с преступностью. Еще долго после создания программы анализа профиля личности преступника в Квонтико многие из наших коллег в Бюро и вне его считали нашу работу колдовством или черной магией, которой занимается жалкая кучка шаманов на глубине шестидесяти футов под землей, куда никогда не проникает дневной свет.

И хотя на основе наших заключений решаются вопросы жизни и смерти, мы не можем позволить себе роскошь подкрепить их реальными фактами, не можем в утешение привести принцип черного и белого.

Если офицер полиции ошибается, это означает, что преступление может остаться нераскрытым, но обстоятельства не сделаются хуже, чем они есть. А к нам часто обращаются в качестве последней инстанции, и если мы ошибемся, то уведем следствие в совершенно иное, непродуктивное направление. Поэтому мы должны быть полностью уверены в своем мнении. Но наш инструмент – человеческое поведение, а поведение человека, как любят уверять психиатры, отнюдь не точная наука.

Одна из причин, по которой полиция и правоохранительные органы со всей территории США и многих других стран мира обращаются к нам, состоит в том, что у нас есть опыт, которого нет у них. Подобно специалисту-медику, повидававшему гораздо больше случаев редкого заболевания, чем любой терапевт, мы обладаем преимуществом – знанием национальной и международной информации, и, следовательно, способны уловить различия и нюансы, которые, возможно, ускользнули от местного следователя, который опирается только на собственный опыт.

Мы работаем, исходя из принципа, что поведение отражает личность, и обычно разделяем процесс анализа профиля личности на семь этапов:

1. Оценка самого преступления.
2. Подробная оценка специфических особенностей места или мест преступления.
3. Подробный анализ жертвы или жертв.

4. Рассмотрение предварительных отчетов полиции.
5. Изучение протокола судебно-медицинского вскрытия.
6. Разработка профиля с критическими характеристиками подозреваемого.
7. Предложения по следственной стратегии на основании построенного профиля личности.

Как показала практика, представление профиля личности преступника часто бывает только началом предлагаемых нами услуг. Следующая ступень – совещания с местными следователями и выработка активной стратегии, которую они могут использовать, чтобы заставить неизвестного субъекта сделать неверный шаг. В подобных делах мы стараемся держаться в стороне, отчужденно, но иногда все равно оказываемся в самой гуще событий. Расследование может включать встречи с родственниками погибшего ребенка, обучение родственников тому, как отвечать на настойчивые телефонные звонки убийцы, описывающего смерть ребенка, мы иногда даже советуем использовать брата или сестру убитого в качестве «живца», чтобы заманить убийцу в определенное место.

Именно это я и предложил осуществить после убийства семнадцатилетней Шари Фей Смит в Колумбии, Южная Каролина, поскольку убийца явно заинтересовался красавицей-сестрой Шари, Дон. Пока убийцу не взяли под стражу, я каждый миг холодел при мысли, что совет, данный мной шерифу и родственникам погибшей, окажется ошибочным,

и семья Смитов столкнется с еще одной непоправимой трагедией.

Почти через шесть недель после того, как убийца позволил Дон и подробно сообщил, как найти тело Шари Фей Смит в поле, в соседнем округе Салуда, младший капрал Сюзанна Коллинз была убита в общественном парке в Теннесси. Так и получается: для нас убийства следуют почти непрерывно, одно за другим.

По словам моего коллеги Джима Райта, мы сталкиваемся с худшим из худшего. Каждый день мы убеждаемся в людской способности творить зло.

— Это почти не поддается описанию — то, что один человек способен сделать с другим, — замечает Джим. — То, что взрослый может сделать с годовалым младенцем; то, как погрошат женщин, унижают жертвы.

Невозможно заниматься подобной работой, не втягиваясь в нее — будь то мы, или служащие полиции, или следователи по особо тяжким преступлениям — и не испытывая страданий. Часто нам звонят уцелевшие жертвы или их близкие. Иногда звонят даже убийцы и насильники. Мы имеем дело с личной стороной этих преступлений, становимся лично причастны к ним, принимаем их близко к сердцу. У каждого из сотрудников отдела хранится в памяти одно из дел, над которым ему пришлось работать. Я знаю, о чем не может забыть Джим. Один из памятных мне случаев — дело Грин-ривер, которое так и осталось нераскрытым. Второй — убийство

Сюзанны Коллинз, воспоминания о котором преследуют меня и по сей день.

Уже будучи дома, поправляясь после болезни, я побывал на военном кладбище в Квонтико и долго смотрел на участок, где похоронили бы меня, если бы я скончался. Я подолгу размышлял о том, чем займусь, когда дотяну до возраста, в котором мне придется уйти в отставку. Я считал, что в своем деле добился значительных успехов, но вдруг осознал, что вместе с тем стал плоским, одномерным. Все, что не относилось к работе – жена, дети, родители, друзья, дом, соседи, – отошло для меня на второй, весьма отдаленный план, все заслонила работа. Дошло до того что каждый раз, когда моя жена или кто-нибудь из детей заболели или у них возникали неприятности, я сравнивал эти болезни и неприятности с участью жертв моих ужасающих дел и отмахивался от них, как от мелочей. Или же анализировал их царапины и ссадины так, как пятна крови на местах преступления. Я пытался избавиться от постоянного напряжения с помощью спиртного и выматывающих тренировок. Я расслаблялся, только когда приходил в полное бессилие.

Бродя по военному кладбищу, я решил, что должен найти способ спуститься на землю, начать по-настоящему ценить любовь и поддержку Пэм и моих дочерей, Эрики и Лорен (наш сын Джед родился несколько лет спустя), вспомнить о религии, попытаться на некоторое время отстраняться от работы, погружаться в другие стороны жизни. Я понял: иначе

мне не выдержать. А когда в 1990 году я возглавил отдел, я стал стараться, чтобы каждый из моих сотрудников мог поддерживать свое нормальное психическое состояние и эмоциональное равновесие. Я уже видел, к чему может привести перенапряжение, знал, какой изнуряющей бывает наша работа.

В нашем деле важно уметь проникнуть не только в сознание убийцы или НС, но и в мозг жертвы во время преступления. Это единственный способ понять динамику преступления – то, что происходило между жертвой и преступником. К примеру, известно: жертва была чрезвычайно пассивным человеком – тогда почему же ей было нанесено столько ударов в лицо? Почему жертву подвергали таким мучениям, если из анализа ее личности нам известно: она бы сдалась, сделала бы все, что приказал насильник? Знание возможной реакции жертвы помогает нам понять нечто важное о самом подозреваемом. Например, в данном случае он намеренно причинял жертвам боль. Для него было недостаточно изнасилования, гораздо важнее было осуществить наказание – вот это мы и называем «почерком» преступника. С этого мы начинаем восполнять пробелы в анализе профиля его личности и предсказывать с этой точки зрения его поведение после совершения преступления. Для нас важно знать все это в каждом деле, о каждой жертве, однако это одно из самых изнуряющих эмоциональных занятий, какие только можно вообразить.

Полицейские и следователи имеют дело со страшными последствиями насилия, но если заниматься такой работой долго, то возникает привычка к ним. К тому же многие из сотрудников правоохранительных органов считают, что насилия вокруг столько, что даже широкие массы воспринимают его как само собой разумеющееся. Но преступники того сорта, с которыми мы имеем дело, не убивают по необходимости, как поступил бы вооруженный грабитель; они убивают, насилуют или мучают потому, что наслаждаются этим, испытывают чувство удовлетворения, осуществляют потребность в господстве и проявлении власти, которых так недостает в других сферах их ничтожной, жалкой и трусливой жизни. В Калифорнии Лоуренс Биттейкер и Рой Норрис делали аудиозаписи, чтобы запечатлеть мучения, изнасилования и убийства девочек-подростков в специально оборудованном фургоне, который они называли «Маком-убийцей». В Калифорнии же Леонард Лейк и его напарник Чарльз Эндж снимали на видеокассеты, как они раздевали похищенных ими молодых женщин и как унижали их, сопровождая съемку устными комментариями.

Я был бы рад назвать это отдельным редким случаем или экзотическим извращением, имевшим место только в Калифорнии. Но мне и моим сотрудникам известно слишком много подобных преступлений. И каждый раз слышать или видеть насилие «в реальном времени», как будто оно происходит сейчас, – почти невыносимо, как и все, с чем нам при-

ходится иметь дело. С годами, когда моей обязанностью стало проводить собеседования и принимать на работу новых сотрудников нашего отдела, у меня сложились четкие представления о том, каким должен быть специалист, определяющий профиль личности преступника.

Сначала я отдавал предпочтение хорошим академическим рекомендациям, считая особенно важным знания в области психологии и организованной преступности. Но потом я понял: академическое образование и ученые степени не столь важны, как опыт и определенные личные свойства сотрудников. У нас есть возможность восполнять любые пробелы в образовании с помощью замечательных программ в Университете Виргинии или Институте Вооруженных сил, специализирующемся на патологии.

Я начал искать людей с определенным типом творческого мышления. В ФБР и правоохранительных органах есть немало должностей, для которых лучше всего подходят люди со складом ума, характерным для инженера или бухгалтера, но заниматься анализом профиля личности и вести расследования таким сотрудникам будет трудновато.

Вопреки впечатлению, которое создают фильмы, подобные «Молчанию ягнят», мы не берем кандидатов во вспомогательный следственный отдел прямо из Академии. С тех пор как была опубликована наша первая книга, «Охотник за сознанием», я получил немало писем от молодых мужчин и женщин, заявляющих, что они хотят заниматься нау-

кой о поведении в ФБР и присоединиться к нашей команде в Квонтико. Но на самом деле все обстоит иначе. Сначала надо поработать в Бюро, зарекомендовать себя первоклассным следователем с творческим подходом к делу и только затем просить о переводе в Квонтико. После двух лет интенсивной, специализированной подготовки вы станете полноправным членом команды. Хороший аналитик профиля личности должен прежде всего продемонстрировать наличие воображения и творческих способностей. Он или она должны уметь рисковать и в то же время завоевать уважение и доверие со стороны коллег и служащих правоохранительных органов. Мы отдаем предпочтение кандидатам с задатками лидеров, которые не ждут общего мнения, прежде чем высказать свое, а проявляют настойчивость во время коллективных обсуждений и тактично помогают направить следствие по верному пути. Они должны уметь действовать и в одиночку, и в команде.

После отбора наши кандидаты работают вместе с опытными членами отдела, и это напоминает ситуацию, когда молодой партнер фирмы перенимает опыт у старшего. Если новичкам недостает опыта работы в полиции, мы отправляем их в полицейское управление Нью-Йорка и прикрепляем к лучшим детективам, расследующим убийства. Если им необходимо узнать побольше о расследовании смертных случаев, на помощь приходят известные всей стране консультанты – такие как доктор Джеймс Льюк, заслужен-

ный бывший судебно-медицинский эксперт из Вашингтона, округ Колумбия. Кроме того, прежде чем получить перевод в Квонтико, многие, если не все наши коллеги работают координаторами-аналитиками в филиалах, где поддерживают прочные связи с полицейскими управлениями городов и штатов и с шерифами.

Основное качество, необходимое, чтобы стать хорошим аналитиком профиля личности, – способность к суждениям, основанным не на анализе фактов и цифр, а на интуиции. Это трудно определить, но, как сказал Джастис Поттер Стюарт о порнографии, стоит увидеть ее – и мы ее узнаем.

В 1993 году в Сан-Диего Ларри Энкром и я проходили свидетелями по делу Клеофаса Принса, обвиняемого в убийствах шести девушек, на протяжении девяти месяцев. В следующей главе мы рассмотрим подробности этого дела. Во время предварительного слушания с целью установления приемлемости наших показаний о связи, основанной на «уникальных» особенностях каждого из преступлений, один из адвокатов спросил меня, существует ли объективная численная шкала, которой я пользовался для измерения уникальности. Другими словами, мог ли я присвоить численную величину всему, что мы сделали. Разумеется, я дал отрицательный ответ. Огромное количество факторов сводится воедино в нашем анализе, но в конце концов все определяет суждение конкретного аналитика, а не какая-либо объективная шкала или тест.

Точно так же после трагедии в Лагере ветви Давидовой в Вако, Техас, федеральные правоохранительные органы занимались самобичеванием, угрызениями совести и даже самокритикой, пытаясь разобраться, в чем и как надо было поступить иначе. После одного такого собрания в Министерстве юстиции в Вашингтоне генеральный прокурор Дженет Рено попросила меня вместе с сотрудниками моего отдела составить перечень известных типовых ситуаций и определить для каждой из них возможный процент успеха. Мисс Рено – на редкость умная и чуткая женщина, и я только приветствовал ее желание заранее подготовиться к следующему неизвестному кризису, а не реагировать на него как придется. И хотя мои слова могли расценить как нарушение субординации, я объяснил ей свое нежелание составлять списки подобного рода.

– Допустим, я сообщу вам, что одна тактика срабатывает в восьмидесяти пяти процентах ситуаций с заложниками определенного типа, а другая – только в двадцати пяти или тридцати, – объяснял я, – и у вас возникнет непреодолимое желание прибегнуть к той тактике, которой приписан наибольший процент успеха. Но я или другой аналитик может заметить в этой ситуации нечто, указывающее нам, что здесь предпочтительна тактика с меньшим процентом успеха. Мы не можем подтвердить это статистическими данными, но чутье подсказывает нам, когда тот или иной порядок действий окажется наилучшим. А если вы предпочитаете иметь дело

с цифрами, то можете поручить машине принятие решений.

В сущности, этот вопрос встает перед нами постоянно — может ли машина выполнить нашу работу? Казалось бы, имея в своем распоряжении достаточное количество случаев и богатый опыт, квалифицированный программист способен построить компьютерную модель, которая, скажем, повторит мои мысли при построении профиля личности преступника. Не то чтобы первые попытки оказались неудачными, но до сих пор машинам не удавалось сделать то, на что способны мы, — точно так же компьютер был бы не в состоянии написать эту книгу, даже если бы мы ввели в него все слова из словаря, их сравнительное использование в речи, все правила грамматики, образцы стиля и модели лучших сюжетов. Слишком много смелых суждений приходится делать, слишком во многом интуиция зависит от подготовки и опыта, да и человеческая натура отличается изобилием тонкостей. Разумеется, мы можем пользоваться и пользуемся компьютерными базами данных, чтобы провести количественную обработку материала и применять его по мере необходимости. Но объективные тесты имеют ограниченные возможности. Поскольку машины не в состоянии выполнить нашу работу, нам приходится искать людей, которые были бы на это способны, которые попытались бы слить воедино объективную оценку и интуицию.

Да, мы можем предложить методы и отшлифовать навыки, но наделить талантом мы не в силах. Как у одаренного

профессионального спортсмена, либо он есть, либо его нет. Точно так же, как в актерском или писательском мастерстве, в игре на музыкальном инструменте или в бейсбол – можно обучить человека основным приемам, что-то подсказать, помочь приобрести навыки. Но коли человек этот не наделен от рождения тем, что мой друг, писатель Чарльз Мак-Кэрри, называет «глазомером высшей лиги», он не сумеет забивать голы, достойные команды-победительницы, не станет благодатным материалом. Однако если вы – благодатный материал в нашей сфере и вообще порядочный, нормальный человек, каким, надеюсь, являемся все мы, вы не сможете видеть все то, что видим мы, общаться с родственниками и пострадавшими, как мы, не сможете сталкиваться с насильниками, совершившими целый ряд преступлений, и убийцами, причиняющими людям боль ради развлечения, если не почувствуете, что в этом и состоит ваше призвание, не испытаете глубоких и крепких родственных чувств к жертвам насилия и их близким. Тогда вы в состоянии совершить то, с чего я начал, и принять точку зрения, с которой написана эта книга. Я хотел бы верить в искупление грехов и допускаю, что в некоторых случаях возможна реабилитация. Но с высоты своего двадцатипятилетнего опыта работы в качестве специального агента ФБР и почти такого же длительного срока работы аналитиком профиля личности и криминальным аналитиком, познакомившись с доказательствами, статистикой, данными, я не могу считать реальностью то, чему мне хоте-

лось бы верить, — в отличие от того, что мне известно. Короче говоря, я гораздо в меньшей степени заинтересован дать второй шанс обвиняемому, совершившему преступление на сексуальной почве, чем первый — невинной потенциальной жертве.

Пожалуйста, не поймите меня превратно. Чтобы добиться этого, нам не нужно фашистское, тоталитарное государство, мы не угрожаем конституции или гражданским свободам: по личному опыту мне, как и всем, известно, к чему приводят реальные и потенциальные злоупотребления властью. По-моему, единственное, что нам необходимо — подкрепить законы, уже разработанные и принятые, и привлечь здравый смысл, опирающийся скорее на реальность, чем на сантименты, к вопросам, касающимся вынесения приговора, наказания и досрочного освобождения. На мой взгляд, нашему обществу больше всего прочего сегодня необходимо чувство личной ответственности за наши поступки. Судя по тому, что я вижу, слышу и читаю, больше никто не желает брать на себя ответственность; в оправдание всегда найдется какой-нибудь довод из личной жизни или прошлого. За возможность пройти по жизни надо платить, и независимо от того, что произошло с каждым из нас в прошлом, частью этой платы является ответственность за наши нынешние поступки.

После краткого изложения своей точки зрения позвольте мне повторить отправную мысль, которую выскажет вам

почти каждый сотрудник правоохранительных органов: если вы надеетесь, что мы разрешим ваши социальные проблемы, вас ждет глубокое разочарование. К тому моменту, как проблема доходит до нас, бывает уже слишком поздно, ущерб уже нанесен. В своих выступлениях я нередко повторяю, что чаще всего серийными убийцами не рождаются, а становятся. При надлежащей предусмотрительности и своевременном вмешательстве большинству этих людей можно помочь или, по крайней мере, нейтрализовать их, пока не сделалось слишком поздно. Слишком часто в своей деятельности я сталкивался с последствиями тех случаев, когда меры не были приняты вовремя.

Откуда нам это известно? Что заставляет нас думать, будто мы понимаем, почему убийца поступил так или иначе, и что теперь мы сможем предсказать его дальнейшее поведение, не зная его самого? Причина, по которой мы считаем, будто нам известно, что происходит в душе убийцы, насильника, поджигателя или террориста, кроется в том, что мы первыми получаем сведения из рук настоящих экспертов — самих преступников. Работа, которой занимались мои коллеги и которая до сих пор продолжается в Квонтико, основана прежде всего на исследовании, предпринятом специальным агентом Робертом Ресслером и мной в конце 70-х годов, когда мы разъезжали по тюрьмам и проводили подробные и продолжительные беседы с типичными серийными убийцами, насильниками и лицами, совершившими уголовные пре-

ступления. Это исследование продолжалось несколько лет и в некотором смысле длится до сих пор. (В сотрудничестве с профессором Энн Берджесс из Университета Пенсильвании результаты были обработаны и позднее опубликованы под названием «Убийства на сексуальной почве: модели и мотивы».)

Чтобы добиться результата и получить от этих людей то, что вам надо, прежде всего следует провести тщательную подготовку – изучить дело и узнать о случившемся все возможное, а затем встретиться с преступниками на их уровне. Если не знать в точности, что они совершили и как, каким образом заполучили жертвы, какими способами причиняли им боль и убивали, они начнут обманывать вас с корыстными целями. Не следует забывать, что большинство серийных преступников имеют богатый опыт в манипулировании людьми. Если вы не пожелаете снизойти до их уровня и увидеть события их глазами, они не проникнутся доверием и не раскроют душу. А когда этого нет, возникает напряжение. Мне так и не удалось ничего вытянуть из Ричарда Спекка, совершившего убийство восьми медсестер из дома престарелых в южной части Чикаго. Я беседовал с ним в тюрьме в Джолиете, штат Иллинойс, причем безуспешно, пока не плюнул на свою официальную невозмутимость и вежливость агента ФБР и не упрекнул его в том, что он «лишил всех нас восьми аппетитных попок».

Тут он встряхнул головой, улыбнулся, повернулся к нам

и сказал:

– Все вы чокнутые, парни. Вы ничем не лучше.

Поскольку у меня всегда возникают теплые родственные чувства к жертвам и их близким, мне подчас бывает особенно горько и трудно играть подобную роль. Но это необходимо, и после разговора со Спеком я наконец проник под его маску «крутого парня», понял, как работает его мозг и что подвигло его той ночью 1966 года на насилие и массовое убийство вместо заурядной кражи со взломом.

Когда я отправился в Аттику побеседовать с Дэвидом Берковицем, «Сыном Сэма», который убил шестерых юношей и девушек в автомобилях в Нью-Йорке, держа город в страхе с начала июля 1976 года, он придерживался своей опубликованной во всех газетах истории о дряхлой (трехтысячелетней!) собаке соседа, якобы толкнувшей его на преступления. Мне было многое известно о подробностях этого дела, я достаточно вник в метод преступника, чтобы прийти к выводу: убийства вовсе не были результатом столь запутанного бреда. Так я считал не потому, что не мог в это поверить, а потому, что уже многому научился, многое понял из предыдущих бесед, которые мы анализировали.

И потому, как только Берковиц завел свою песню о собаке, я остановил его:

– Хватит заливать, Дэвид. Псина тут ни при чем.

Рассмеявшись, он сразу признал мою правоту. Так открылся путь к сути его методологии, к тому, о чем я боль-

ше всего хотел услышать и из чего хотел извлечь урок. И мы многому научились. Берковиц, начавший свою антисоциальную карьеру в роли поджигателя, рассказал нам, как каждую ночь выезжал на охоту за жертвами, удовлетворявшими его требованиям. Если ему не удавалось их найти, как часто случалось, его тянуло к местам прежних преступлений, где он мастурбировал, вновь испытывая радость и удовлетворение, власть над жизнью и смертью других человеческих существ – те же чувства, которые Биттейкер и Норрис возрождали с помощью аудиозаписей, а Лейк и Эндж – с помощью собственноручно снятых фильмов.

Эд Кемпер – гигант ростом шесть футов девять дюймов, обладающий самым высоким коэффициентом интеллекта из всех убийц, с которыми мне доводилось встречаться. К счастью для меня и остальных, я столкнулся с ним в комнате для свиданий психиатрической больницы штата Калифорния в Вакавилле, где Кемпер отбывал многочисленные пожизненные заключения. Еще подростком он прошел курс лечения в психиатрической больнице после убийства своих бабушки и дедушки на их ферме в Северной Калифорнии. Став взрослым, в начале 70-х годов он терроризировал округу Университета Калифорнии в Санта-Круз, где обезглавил и расчленил трупы по меньшей мере шести однокашников, прежде чем набрался храбрости и зарезал родную мать Кларнелл, реальный предмет его затаенной злобы. Кемпер показался мне смышленным, чутким и не лишенным интуиции. В отли-

чие от большинства убийц, он достаточно хорошо знал самого себя, чтобы понимать: его не следует выпускать на свободу. Он открыл нам ряд важных секретов о том, как работает мозг умного убийцы.

Он объяснил мне с проницательностью, редкой для насильника, что расчленял трупы не по какой-то сексуальной прихоти, а просто чтобы затруднить опознание и как можно глубже запутать следы. От других «экспертов» мы получили дополнительные осколки информации, овладев секретами, оказавшимися бесценными в разработке стратегии поимки НС. К примеру, расхожая истина о том, что убийцы возвращаются на место преступления, во многих случаях оказалась справедливой, хотя вовсе не по тем причинам, которые имели в виду мы. Действительно, убийцы, принадлежащие к определенному типу личности, при некоторых обстоятельствах терзаются угрызениями совести и возвращаются на место преступления или на могилу жертвы, чтобы вымолить прощение. Если нам кажется, что мы имеем дело с подобным НС, это помогает определить наши действия. Некоторые убийцы возвращаются по другим причинам – не потому, что преступление вызывает у них тягостные воспоминания, а потому, что вспоминать о нем им приятно. Знание об этом тоже помогает нам поймать их. Некоторые преступники вмешиваются непосредственно в ход расследования, чтобы быть в курсе дела, заговаривают с полицейскими или вызываются дать показания. Когда я занимался делом детоубийцы из

Атланты в 1981 году, картина преступления убедила меня, что НС непременно свяжется с полицией и предложит помощь. Уэйн Уильяме был арестован после того, как бросил труп последней жертвы в реку Чаттахучи (как мы и предсказывали), и тогда мы узнали, что этот полицейский-любитель предложил следователям свои услуги, чтобы сфотографировать место преступления.

Другие преступники, с которыми мы беседовали, рассказывали, как приглашали с собой женщин в поездку в район преступления, а потом под каким-нибудь предлогом надолго покидали спутницу, чтобы взглянуть на место, где разделались с жертвой. Один убийца пооткровенничал, что иногда брал подружку в поездку в лес, а потом оставлял ее на короткое время, объясняя, что ему надо сходить в кусты. В это время он и возвращался туда, где бросил труп. Беседы в тюрьмах помогли нам увидеть и понять широкий спектр мотиваций и поведения серийных убийц и насильников. Но вместе с тем мы заметили поразительный «общий знаменатель». Большинство преступников происходили из распавшихся или неблагополучных семей. Обычно насильников порождает дурное обращение – физическое, сексуальное, эмоциональное или сочетание нескольких видов. Мы обнаружили, что в еще очень раннем возрасте такие люди приобретают то, что мы называем «убийственным треугольником» или «убийственной триадой». Она включает энурез, то есть или ночное недержание мочи, поджоги и жестокость

по отношению к детенышам животных или к детям. Очень часто мы находили у преступника наличие по меньшей мере двух из этих трех составляющих, если не все три. К моменту совершения первого серьезного преступления наш собеседник обычно достигал лет двадцати — двадцати пяти. Он отличался низкой самооценкой и обвинял в своих неудачах весь мир. Обычно у него уже имелся длинный «послужной список», хотя о нем не всегда было известно полиции. В этом списке могли значиться кражи со взломом, изнасилования или попытки изнасилования. Здесь же могло присутствовать и позорное увольнение из армии, поскольку у таких людей возникают проблемы с любым начальством. Они убеждены, что на протяжении всей жизни являются жертвами: ими манипулируют, над ними властвуют, их контролируют другие. Но в другой ситуации, подзаправленной фантазией, этот неполноценный, жалкий неудачник, по сути дела, ничтожество, способен сам манипулировать жертвой и властвовать над ней; контроль оказывается в его руках. Он сам определяет, чего хочет от жертвы. Только он может решить, останется ли его жертва в живых или умрет, а если умрет, то как именно. Последнее слово остается за ним, он наконец-то отыгрывается за свои прежние неудачи.

Понимание общих предпосылок играет чрезвычайно важную роль в определении мотивации серийного убийцы. Проведя много часов в обществе Чарльза Мэнсона в Сан-Квентине, мы пришли к выводу, что мотивом его подстрекатель-

ства своих последователей убить Шерон Тейт и ее подруг однажды ночью 1969 года в Лос-Анджелесе, а потом разделаться с Лено и Розмари Лабьянка послужила вовсе не апокалиптическая жажда крови из песни «Хелтер-скелтер», как считалось прежде. Незаконнорожденный сын шестнадцатилетней проститутки, выросший в семье фанатично религиозной тетки и дяди-садиста, а в десятилетнем возрасте ставший уличным мальчишкой, впоследствии то и дело попадавшим в тюрьму, Мэнсон жаждал славы, богатства, признания, как и все мы. Втайне он мечтал стать рок-звездой. Не сумев осуществить свою мечту, он удовлетворился ролью гуру и приятной прогулкой по жизни в компании подозрительных последователей, предоставлявших ему пищу, жилье и наркотики. Его «семья», состоящая из неудачников и отбросов среднего класса, представляла достаточно возможностей для манипулирования, властвования и контроля. Чтобы удерживать и привлекать этих людей, он проповедовал апокалипсис, неизбежную социальную и расовую войну, которую символизировала песня «Битлз» «Хелтер-скелтер» – из этой войны только один Мэнсон должен был выйти победителем.

Все шло гладко до 9 августа 1969 года, когда последователь и соперник Мэнсона, Чарльз Уотсон по прозвищу Текс, ворвался в Беверли-Хиллз в дом режиссера Романа Полански и его жены – кинозвезды Шерон Тейт, беременной на восьмом месяце. После зверского убийства пяти человек (са-

мого Полански не было дома) Мэнсон понял, что должен снова взять власть в свои руки. Он сделал вид, что эти убийства были предсказаны в начале апокалипсиса, и повел своих приверженцев к очередному убийству, иначе он утратил бы авторитет, а власть перешла бы к Уотсону. На этом его приятная прогулка по жизни завершилась. В деле Мэнсона насилие произошло не в тот момент, когда он начал манипуляцию, доминирование и контроль, а когда стал понемногу терять власть.

Все, что мы узнали от Мэнсона, не означало, что он не такое чудовище, как мы думали, – просто выяснилось, что он чудовище иного типа. Понимание различий дало нам представление о преступлениях такого вида и, что не менее важно, о подобных видах «божьего дара». Сведения, полученные от Мэнсона, впоследствии мы смогли применить к пониманию других культов, таких как культ, возглавляемый преподобным Джимом Джонсом, культ «Ветви Давидовой» Дэвида Кореша в Вако, «семьи ткачей» в Рубиридж, «вольных людей» в Монтане и «движения всеобщего ополчения».

В ходе своих бесед и исследований мы сделали ряд наблюдений, которые существенно повысили нашу способность анализировать преступления и предсказывать поведение преступников. Следователи традиционно придают огромное значение «модус операнди», то есть способу действия преступника (МО). Это выбранный нарушителем закона способ совершения преступления – например, использование но-

жа или огнестрельного оружия или похищение жертвы. Теодор Банди, или Тед, казненный на глазах моего коллеги Билла Хэгмайера в 1989 году на электрическом стуле в тюрьме штата Флорида в Старке, был привлекательным, находчивым, популярным в своей среде парнем, образцом «завидной добычи». Он был идеальным примером того, что серийные убийцы не всегда выглядят чудовищами. Они без труда способны затеряться среди нас. Теда считают одним из самых известных серийных убийц в американской истории – он похищал, насиловал и убивал молодых женщин повсюду, от Сиэтла до Таллахасси, прибегнув к своеобразной уловке: он надевал на руку, висящую на перевязи, съемный гипс, симулируя перелом. Затем просил выбранную жертву помочь ему перенести какой-нибудь тяжелый предмет. Когда жертва теряла бдительность, преступник наносил удар. Писатель Томас Харрис использовал этот МО при создании образа Буффало Билла в «Молчании ягнят».

Многие черты этого образа писатель позаимствовал у других серийных преступников, с которыми мы познакомили Харриса во время его визита в Квонтико – перед тем, как он написал свою предыдущую книгу «Красный дракон». Буффало Билл держал свои жертвы в яме, вырытой в подвале. В реальной жизни так поступал Гэри Хейдник с женщинами, которых похищал в Филадельфии. Свое увлечение – использовать кожу жертв в создании женского «костюма» для себя – Буффало Билл «унаследовал» от Эда Гейна, убийцы, в 50-

х годах державшего в страхе жителей небольшого фермерского городка Плейнфилд в Висконсине. Впрочем, не только Харрис позаимствовал эту идею. Роберт Блох частично использовал ее в своем известном романе «Психопат», по которому поставлен классический фильм Альфреда Хичкока.

Здесь важно отметить, что, в то время как использование гипса и перевязи для похищения женщин – это «модус операнди», убийство и свежевание женщин таковыми не являются. В таких случаях я применяю собственный термин – «почерк», поскольку, подобно почерку, это личная подробность, характерная для конкретного лица. МО – то, что преступник делает, чтобы совершить преступление, а «почерк» – в некотором смысле причина такого поступка, то, что удовлетворяет его эмоционально. Иногда грань между МО и «почерком» едва заметна – в зависимости от причины, по которой совершено преступление. Из трех характерных для Буффало Билла особенностей ношение гипса – определенно МО, свежевание – «почерк», а яма может быть и тем и другим – в зависимости от ситуации. Если он держит пленниц в яме, чтобы контролировать их, тогда эту особенность я бы отнес к МО. Если же он получает некое эмоциональное удовлетворение, держа их там, видя их унижение и страх и слыша мольбы, – значит, эта особенность подпадает под категорию «почерк».

Я обнаружил, что «почерк» – гораздо более основательное свидетельство поведения серийного преступника, чем МО.

Причина в следующем: «почерк» статичен, а МО – динамичен, то есть он развивается по мере движения криминальной карьеры преступника, по мере того, как он учится на собственном опыте. Если он найдет лучший способ похищения жертвы, узнает, как лучше перевозить или прятать труп, так он и будет поступать впредь. Неизменным останется одно – эмоциональная причина, по которой он совершает преступление.

Ясно, что в обычных преступлениях, таких как ограбление банка, значение имеет только МО. Полиции важно узнать, кто это сделал. Причина очевидна: грабителю нужны деньги. Но в серийных преступлениях на сексуальной почве – а почти все серийные убийства в той или иной части совершаются на сексуальной почве – анализ «почерка» может иметь решающее значение, особенно при увязывании воедино ряда преступлений.

Стивен Пеннелл, «убийца 1—40» из Делавэра, заманивал проституток в свой специально оборудованный фургон, где насиловал, пытал и убивал их. В свой фургон он увлекал женщин разными способами – это был его МО. Постоянным слагаемым оставались пытки – это и есть его «почерк», о чем я свидетельствовал на суде. Именно пытки приносили ему эмоциональное удовлетворение. Адвокат мог бы утверждать, что различные дела никак не связаны между собой и не представляют действие одного и того же субъекта, поскольку используемые инструменты или виды пыток раз-

личались. Но это различие несущественно. Важен сам факт применения пыток и то, что они оставались постоянным и неизменным слагаемым.

Одно заключительное замечание: вероятно, вы уже заметили, что, упоминая о серийных убийцах, я всегда использую местоимение «он». И не ради упрощения или удобства. По причинам, которые мы понимаем лишь отчасти, буквально все преступники, неоднократно совершающие убийства, являются мужчинами. Это обстоятельство привело к многочисленным исследованиям и догадкам. В какой-то степени причина этого явления проста: лица с повышенным уровнем тестостерона (то есть мужчины) более склонны к агрессивности, чем лица с пониженным уровнем (то есть женщины). На психологическом уровне наши исследования показали: мужчины, в детстве пострадавшие от дурного обращения, чаще становятся злобными и проявляют жестокость по отношению к другим, а женщины с подобным прошлым склонны таить ярость и агрессивность внутри своей души и наказывать скорее самих себя, нежели других людей. Мужчина может убивать, причинять боль, насиловать, чтобы справиться с собственным гневом, а женщина, скорее всего, направит этот гнев в такое русло, что пострадает прежде всего она сама – например, сделается алкоголичкой или наркоманкой, займется проституцией, совершит попытку самоубийства. Я не припоминаю ни одного случая, когда бы женщина по своей воле совершила убийство на сексуальной почве.

Из этого правила есть исключение: единственное место, где мы время от времени встречаем женщин, замешанных в многочисленных убийствах, – это больница или дом престарелых. Маловероятно, чтобы женщина неоднократно убивала людей, будь то холодное или огнестрельное оружие. Чаще она прибегает к помощи какого-нибудь «чистого» средства, например сильнодействующего лекарства. Подобные случаи часто подпадают под категорию либо «милосердного убийства», когда преступник убежден, что избавляет жертву от невыносимых страданий, либо «героического убийства», при котором смерть – непреднамеренный результат каких-либо действий по отношению к жертве, которую преступник хочет вернуть к жизни, таким образом став «героем». И конечно, всех нас ужасают преступления матерей, убивающих собственных детей, пример чему – широко освещавшееся в прессе дело Сюзан Смит из Южной Каролины. Существует целый набор мотиваций для этого самого противоестественного из преступлений, о котором мы поговорим ниже. Но в большинстве случаев описание серийного убийцы или насильника, совершившего многочисленные преступления, начинается со слова «мужчина» – иначе мои коллеги и я с удовольствием вышли бы в отставку.

А пока этого не произошло – и, судя по последним тысячелетиям истории цивилизации, не предвидится в обозримом будущем, – некоторые из нас неоднократно совершают путешествия во мрак: во мрак сознания убийцы и судьбы его

жертвы. Вот об этом я и хочу рассказать.

Мотивы убийства

Я часто повторяю: когда мы анализируем убийство, когда работает любой опытный следователь, это во многом напоминает, как вживается в образ хороший актер, готовясь сыграть роль. Мы оба выходим на сцену: у актера – это сцена театра или съемочная площадка, у нас – место преступления; мы видим лежащее на поверхности – диалог между героями или улики тяжкого преступления, и пытаемся понять, о чем это свидетельствует. Иными словами – что в действительности произошло между главными действующими лицами этой трагедии? Актеры называют это «подтекстом» и прежде, чем сыграть сцену, пытаются понять, чего добивается герой. Почему он произносит те или иные слова и совершает те или иные поступки? Каковы его мотивы?

Вопрос о мотивах – один из самых щекотливых в расследовании преступления, и вместе с тем один из самых важных. Пока вы не уясните, почему было совершено конкретное насильственное преступление, будет чрезвычайно трудно прийти к обоснованным заключениям относительно поведения и личности НС. Даже если он пойман, обвинительный процесс против него вряд ли станет успешным. С такой проблемой столкнулся Хэнк Уильямс во время процесса Седли Эли – потому и обратился ко мне. В случае ограбления банка мотив – как и связанный с ним «почерк» – очеви-

ден: преступнику нужны деньги, но он не желает работать, чтобы получить их законным путем. А теперь представим: вы расследуете вторжение в чужой дом, в результате которого жители изнасилованы и убиты. Что явилось первичным мотивом – кража со взломом, нападение с сексуальными намерениями или убийство? Так или иначе, жертва мертва, но мотивы преступления для нас имеют существенное значение, чтобы выяснить, что за человек убийца.

Осенью 1982 года нам позвонили из полицейского управления Среднего Запада, сотрудники его расследовали дело об изнасиловании и убийстве двадцатипятилетней женщины. Преступление было совершено в гостиной квартиры, в которой жертва и ее муж прожили почти полгода. Вернувшись домой, муж убитой обнаружил в квартире полный разгром, и это навело полицию на мысль, что первичным мотивом была кража со взломом, а изнасилование и убийство – только вторичным «преступлением по возможности» или случайным преступлением.

Фотографии места преступления были выполнены качественно и давали полное представление о случившемся. Жертву обнаружили лежащей лицом вверх на полу в гостиной, с поднятым выше пояса платьем и спущенными до колен трусами. Несмотря на беспорядок в комнате, там не оказалось следов борьбы, а на трупе не было ран, которые жертва могла получить, оказывая сопротивление. Орудием убийства стал молоток хозяев. Его нашли в кухонной раковине,

куда, по-видимому, его бросил НС, чтобы смыть кровь. Муж сообщил о пропаже некоторых ювелирных украшений жены. Любопытно, что виду места преступления противоречил отчет медицинского эксперта, в нем отмечалось отсутствие свидетельств нападения с целью сексуальных действий и следов спермы на теле жертвы или ее одежде. Но проверка на содержание алкоголя в крови показала, что женщина пила незадолго до нападения. Узнав об этом, я воскликнул: «В яблочко!». Преступление было инсценировано так, что с точки зрения неискушенного человека должно было выглядеть как изнасилование и убийство.

Я сказал изумленному следователю, что он наверняка уже допрашивал убийцу и что мотивом преступления явилась вовсе не кража со взломом. Не было даже сексуальной агрессии.

По моему мнению, произошло следующее. Жертва и преступник выпили вдвоем в ее квартире. Между ними завязался спор, который, вероятно, не раз утихал и вновь продолжался. Напряжение достигло пика, что оказалось невыносимым для убийцы. Он схватил первое попавшееся под руку орудие, пригодное для убийства, а именно нашел молоток в кухне, вернулся и в гневе несколько раз ударил жертву по голове и по лицу, пока та не рухнула на пол. Поняв, что его непременно будут подозревать, убийца поспешил к кухонной раковине, смыл кровь с рук и кровавые отпечатки с рукоятки молотка. Затем вернулся к мертвой жертве, провер-

нул ее на спину, поднял платье и спустил трусы, инсценируя нападение на сексуальной почве. А потом разбросал вещи, будто ворвавшийся в квартиру грабитель искал деньги или ценные вещи.

В этот момент следователь прервал меня:

– Вы только что дали мне понять – это сделал муж.

Я проинструктировал его, как следует допрашивать мужа. Я сказал, что во время проверки на детекторе лжи самое главное – подчеркнуть: полиции известно – он испачкал кровью руки и безуспешно пытался смыть кровавую улику.

Через несколько дней мужа допросили с применением детектора лжи. Он не выдержал испытания и признался следователю в совершенном убийстве. Иногда сталкиваешься со случаями, в которых мотив вроде бы очевиден, но какие-то детали не увязываются между собой. Такое преступление произошло утром 27 января 1981 года в Рокфорде, штат Иллинойс. Около десяти часов утра кто-то зашел в «Бакалею Фредда» и убил выстрелом сорокачетырехлетнего владельца магазина Уилли Фредда и работающего у него двадцатилетнего племянника Альберта Пирсона. Свидетелей не нашлось.

Фредда нашли лежащим лицом вниз на полу за прилавком. Следователи определили, что он, должно быть, сидел за прилавком, когда в него дважды выстрелили пулями тридцать восьмого калибра, одна из которых попала в шею, другая – в селезенку. Вторую жертву нашли наполовину высуну-

нувшейся из вращающейся двери на улицу. В племянника Фредда выстрелили трижды – в грудь, из того же оружия, очевидно, когда он пятился от нападающего. Странно, но ничего не было похищено. (Отметим, Фредд и Пирсон были чернокожими.)

На следующее утро, без пятнадцати девять, человек, захвативший за бензином в Рокфорд, на заправочную станцию «Супер-100», принадлежащую «Кларк Ойл Компани», обнаружил в складском помещении труп служащего станции. Жертвой оказался восемнадцатилетний белый юноша Кевин Кайзер. Он лежал, привалившись к стене, упав после пяти выстрелов из оружия тридцать восьмого калибра (позднее баллистическая экспертиза показала, что двое мужчин в бакалейном магазине были убиты днем раньше из другого оружия того же калибра). Четыре пули попали в грудь юноши, пятая – в правую щеку, выйдя с левой стороны шеи: очевидно, стреляли с близкого расстояния. Отсутствие кровотечения из обеих ран означало, что сердце уже остановилось: молодой человек умер прежде, чем был сделан последний выстрел. Если следовать виктимологии – науке о потерпевших, то люди, знавшие Кевина, не могли сказать о нем ничего, кроме хорошего, описывали его как работающего и «славно-го малого». Как и в преступлении, совершенном днем раньше, все ценности оказались на месте. По округе был разослан словесный портрет возможного подозреваемого, чернокожего мужчины лет тридцати, среднего роста, с короткой

стрижкой и усами.

На следующий день, в восьмом часу утра, муж и жена, завернувшие на заправочную станцию «Е-2 Со» в Рокфорде, увидели служащего лежащим лицом вверх в огромной луже крови в складском помещении станции. Туда супруги заглянули, чтобы кого-нибудь разыскать, поскольку станция показалась им безлюдной в рабочее время. На этот раз жертвой стал Кении Фауст, тридцатипятилетний белый мужчина. В него стреляли дважды: одна пуля попала в левую щеку и пробила голову, а другая, после того как он рухнул на пол, прошла шею навылет – справа налево. Клиенты немедленно вызвали «скорую». Она прибыла, когда Фауст был еще жив, его отвезли в Рокфордскую мемориальную больницу, однако вскоре он умер, так и не приходя в сознание. Со станции было похищено около 150 долларов. Свидетелей преступления не нашлось, но баллистическая экспертиза установила, что Кении Фауст был убит из того же оружия, из которого стреляли в Уилли Фредда и Альберта Пирсона, – так появилась первая реальная связь между тремя преступлениями. В рокфордской полиции была немедленно сформирована следственная группа.

Через четверо суток, 2 февраля днем, кто-то вошел в магазин «Радиотовары» в Белойте, штат Висконсин, и застрелил двадцатилетнего менеджера Ричарда Бека и двадцатилетнего клиента Дональда Рейнса. Позднее еще один клиент обнаружил их лежащими рядом на полу у входа в зад-

ние помещения магазина. У обоих убитых оказались множественные ранения на голове и груди, хотя сотрудники полиции и не увидели никаких следов борьбы с преступником. По-видимому, была похищена некая сумма, но определить, какая именно, не удалось. (Белойт находится неподалеку от южной границы Висконсина, в двадцати милях к северу от Рокфорда.)

Полиция располагала показаниями троих свидетелей о мужчинах, увиденных в районе магазина незадолго до убийства. Один из свидетелей заявил, что видел чернокожего мужчину, описание которого совпадало со словесным портретом, составленным в связи со вторым убийством в Рокфорде. Свидетельские показания и сходство обстоятельств преступления давали возможность предположить, что последнее убийство может быть связано с одним или несколькими предыдущими. Случившееся вышло за пределы территории одного штата – это означало, что следует обратиться в ФБР. Я подключился к расследованию сразу же, как только мне позвонил взволнованный сотрудник ФБР из Иллинойса.

Проблема состояла в различии обстоятельств. Выстрелы были сделаны из разного оружия. Жертвами оказались и белые, и чернокожие, разного возраста, на первый взгляд преступления напоминали не что иное, как вооруженное ограбление, однако убийца не похитил почти никаких ценностей. Кто же он такой и почему убивает людей?

По мере того как я просматривал отчеты следователей,

фотографии мест преступления и протоколы вскрытия, происходящее все меньше представлялось мне цепью вооруженных ограблений, все больше напоминая серийные убийства определенного типа. Их мотивы тогда еще оставались для меня загадкой, но стиль убийств был постоянным, и я охарактеризовал его как стиль, присущий одному убийце. Ни одна из жертв не сопротивлялась, в них стреляли по нескольку раз, с большей жестокостью, чем требовалось для простого устранения людей при ограблении. Иными словами, преступление вышло за рамки соответствующего «модуса операнди».

Убийства были методическими и последовательными, но выглядели бессмысленными. Их можно было даже принять за случайные, разрозненные, а не серийные. Преступник пренебрегал ценностями. Отсутствовал сексуальный момент. Поскольку мы не располагали доказательствами, что НС был знаком с кем-нибудь из жертв, попытка личной мести казалась маловероятной. Напротив, между жертвами не было ничего общего.

После неудачной попытки проанализировать мотив на основании сценария преступления, после того как вы перебрали одну за другой все «логические» догадки, и все они не подошли к данному случаю, пришла пора заглянуть на территорию психиатрии. Во всех преступлениях есть мотив, все преступления имеют смысл согласно определенной логике, хотя эта логика может быть строго обособленной, не имею-

щей никакого отношения к «объективной».

Это навело меня на мысль, что наш НС, вероятно, параноик, страдающий галлюцинациями, но еще способный совершать обдуманнные поступки. На это указывало использование разного оружия. Он пользовался оружием одного типа – очевидно, доверял пулям тридцать восьмого калибра. Но пистолет такого калибра был у него не один. Я мог бы поручиться, что у него имеется целый арсенал: при паранойе оружия всегда недостает.

Вдобавок у него есть возможность добраться из пункта А в пункт Б – значит, он способен водить машину, вероятно, имеет права и, следовательно, на каком-то уровне действует в повседневной жизни, работает, пусть даже работа его не устраивает. Он вынужден общаться с окружающими людьми, но те считают его «чужаком».

В любой серии преступлений, происходящих с определенным интервалом, мы сосредоточиваемся на первом, обычно самом значимом для наших целей. Во множественных убийствах преступник обычно принадлежит к той же расе, что и его жертвы. Если предположить, что все четыре случая связаны между собой, мы имеем ситуацию, в которой двое первых пострадавших были чернокожими, а двое последующих – белыми. Убийца начал с уровня, на котором чувствовал себя наиболее комфортно. По этой причине я решил, что НС – негр и, следовательно, может соответствовать описанию двух отдельных свидетелей. По той же причине я пред-

положил, что он, скорее всего, живет неподалеку от «Бакалеи Фредда». Ему нужен был какой-то предлог, чтобы появиться в этом районе. Согласно нашим данным, паранойя, как и шизофрения параноидального типа, обычно проявляется в возрасте двадцати пяти лет. Приблизительно в таком же возрасте возникает стремление убивать, и потому я мог с уверенностью утверждать: возраст НС – от двадцати пяти до тридцати лет.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что человек такого типа свободнее чувствует себя по вечерам, в темноте. Первое убийство – по моим предположениям, совершенное неподалеку от дома, – произошло днем. Но следующие два – поздно ночью или рано утром. К четвертому убийству он настолько расхрабрился, что «вышел на охоту» при дневном свете. По той же причине я считал, что этот человек водит машину темного цвета и предпочитает темную одежду. Кроме того, он наверняка держит для безопасности сторожевую собаку, немецкую овчарку или доберман-пинчера, а может даже двух. Если бы я анализировал этот профиль личности сегодня, то, вероятно, назвал бы питбуля, последний «крик моды». Но тогда у подозреваемого могла оказаться только немецкая овчарка или доберман. Наряду с «полицейской собакой» он мог иметь радиопередатчик, такой, как у служащих полиции. Кроме того, у него мог быть определенный «послужной список» – не обязательно включающий убийства, а скорее агрессивное поведение, выпады против пред-

ставителей власти, возможно, помещение в какое-нибудь исправительное учреждение. Убийство первого встречного во время каждого налета говорит о человеке, который пытается с лихвой отплатить за все свои беды.

Полиция начала работу по показаниям свидетелей, что в конце концов привело их к человеку, остановившемуся в мотеле за два квартала от «Бакалеи Фредда». В его номере нашли сигареты, продававшиеся в этом магазине. Мужчину звали Реймонд Ли Стюарт, но к тому времени, как полиция вычислила его, он сбежал.

21 февраля агенты ФБР, ввиду незаконного бегства с целью избежания наказания и на основании обвинения в вооруженном ограблении, арестовали Реймонда Ли Стюарта в Гринсборо, Северная Каролина. Стюарт оказался двадцатидевятилетним чернокожим ростом в пять футов шесть дюймов. До переезда в Северную Каролину он жил в Рокфорде и вернулся перед предстоящим рождением его внебрачного ребенка. Он остановился в мотеле, за два квартала от «Бакалеи Фредда». Боясь возможных неприятностей или нападения в мотеле, он зарегистрировался под вымышленным именем.

4 февраля, через два дня после того, как Стюарт совершил убийства в магазине «Радиотовары» в Белойте, он уехал в Северную Каролину на старом темном автомобиле с прицепленным трейлером – в нем он возил большую часть своего имущества. Как только агенты приблизились к машине и

трейлеру, они увидели привязанных неподалеку двух доберманов. Получив санкцию, следователи обыскали трейлер и дом двоюродного брата, где жил Стюарт, обнаружив револьвер КО-31 тридцать восьмого калибра, «Смит-Вессон» шестидесятой модели «Чиф специал» того же калибра, патроны и радиопередатчик, как у полицейских. Стюарт привлекался к ответственности за вооруженное ограбление заправок станций самообслуживания.

Ему предъявили обвинение в четырех убийствах в Иллинойсе и двух в Висконсине, хотя в конце концов его судили дважды – один раз за вооруженное ограбление и убийство Уилли Фредда и Альберта Пирсона, а второй – за убийство Кевина Кайзера. На суде он был полон злобы и выражал презрение к суду и к своим жертвам. Он был признан виновным в фелонии, тяжком убийстве, и приговорен к смертной казни окружным судом Виннебаго, Иллинойс. Позднее он заявлял, что к убийствам его подстегнули проявления расизма, но утверждал, что заслуживает помилования, ибо в детстве с ним дурно обращались. 18 сентября 1996 года Стюарт был казнен – ему сделали смертельную инъекцию в тюрьме штата, в Спрингфилде. В своем последнем слове он сказал: «Надеюсь, все вы на этом успокоитесь, и родные моих жертв обретут покой».

Определение «почерка» как элемента, обособленного от «модус операнди», было попыткой пролить свет на критический вопрос о мотиве. И мотив, и «почерк» оказались чрез-

вычайно важными в увязывании серии из шести убийств женщин в Сан-Диего, произошедших с января по сентябрь 1990 года. Бывший прокурор округа Кайахога, Огайо, а ныне судья в Кливленде Тим Мак-Гинти, с которым мы несколько лет назад работали по делу серийного насильника Ронни Шелтона, порекомендовал меня сотрудникам полицейского управления Сан-Диего. Когда в наш отдел поступил официальный запрос, дело было поручено Ларри Энкрому – он отвечал за эту часть страны. К тому времени, как мы подключились к делу, было совершено три убийства – все в жилом районе Буэна-Виста, в Клермонте. Первой жертвой стала двадцатилетняя студентка Университета Сан-Диего по имени Тиффани Шульц. Ее друга, который обнаружил труп, задержали как подозреваемого, но быстро отпустили. Вскоре появились еще две жертвы: Дженен Уэйнхолд и Холли Тарр.

Поскольку нападать на женщин в таком окружении среди бела дня – слишком рискованное занятие, мы решили, что НС хорошо знает этот район. Лица, совершающие насильственные преступления, обычно начинают с тех мест, где чувствуют себя наиболее удобно, как дома. Вот почему первое убийство из серии имеет особое значение. Кроме того, мы считали, что ранее преступник должен был заговаривать с женщинами. Эти приставания – нечто вроде разминки перед последующими убийствами – могли показаться безобидными, но не удовлетворяли его.

До нападения на Тиффани Шульц в жизни преступника

должен был произойти некий реальный или мнимый кризис, подхлестнувший его. К местам преступлений он подходил крайне разгневанным. Можно было допустить, что он считал какую-либо женщину или женщин в целом виновными в его проблемах и вымещал на них злобу. Наверняка он имел ряд неудачных связей с женщинами, как правило, сопровождавшихся периодическими вспышками насилия или оскорбительного поведения. Вполне вероятно, что преступник отнимал у одной или нескольких жертв какие-нибудь личные вещи, скорее всего – украшения, и потом отдавал их женщине, с которой тогда находился в связи, но не объяснял их происхождение.

Мы полагали, что преступник где-то работает, но ввиду его вспыльчивости и некоммуникабельности это не могла быть работа высокого уровня, к тому же, он наверняка не раз переходил с места на место. Скорее всего, в школе он был неуспевающим учеником, который не ладил со сверстниками, предпочитал одиночество и конфликтовал с начальством. Он вполне мог жить на иждивении у женщины, обеспечивающей ему финансовую поддержку. Конфликт с ней мог привести к серии убийств.

Как и у многих других преступников, после первых убийств поведение НС наверняка изменилось, чего не могли не заметить люди, окружающие его. Он мог начать пить, употреблять наркотики, спать и есть в непривычное время, терять вес, проявлять беспокойство, повышенное стремление

к общению. К тому же он наверняка следил за ходом расследования. Мы сообщили полиции, что общественность может оказать неоценимую помощь в поиске убийцы, если будет опубликован перечень этих недавно появившихся у человека качеств: по крайней мере, кто-то в окружении преступника поймет, в чем дело. Холли Тарр была убита в апреле. Эта начинающая талантливая актриса из Окемоса, Мичиган, приехала на весенние каникулы навестить брата, жившего в районе Буэна-Виста. После этого убийства НС с трудом избежал ареста. Несколько свидетелей видели, как из дома убежал мужчина с ножом, закрывая лицо тенниской. Относительно примет преступника они могли сказать только, что он был смуглым, чуть ниже среднего роста. Убегая, он сбил с ног рабочего-ремонтника, которому один из жильцов сообщил об «ужасном вопле». Ремонтник обнаружил Холли Тарр в спальне, накрытую окровавленным полотенцем. К этому моменту неизвестного преступника стали называть в прессе «клермонтским убийцей». Мы думали, все эти события приведут к некоторому затишью и убийца ненадолго «ляжет на дно», набираясь смелости. Мы полагали, что после случившегося он прекратит орудовать в одном и том же районе. Он мог даже переехать в другой город под предлогом более выгодной работы или визита к родственникам или друзьям. Но вряд ли он образумится. Большинство подобных людей не умеют останавливаться на достигнутом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.